

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А. М. ГОРЬКОГО

«СТРАНА ФИЛОСОФОВ» АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА: ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА

ВЫПУСК 6

По материалам
шестой Международной научной конференции,
посвященной 105-летию со дня рождения А. П. ПЛАТОНОВА

21–24 сентября 2004 года. Москва

МОСКВА
ИМЛИ РАН
2005

КНИГИ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА В КРИТИКЕ 1927–1930 гг.

Публикация Елены Антоновой (Москва)

Настоящая публикация представляет критические отклики на три первые книги Андрея Платонова «Епифанские шлюзы» (1927), «Сокровенный человек» (1928), «Происхождение мастера» (1929), а также на журнальные публикации произведений, вошедших затем в состав перечисленных книг (повести «Епифанские шлюзы», «Ямская слобода» и «Происхождение мастера»). Последовательное прочтение рецензий дает красноречивое представление о том, как современная Платонову критика от одной его публикации к другой вырабатывала все более и более определенное представление о сущности его творчества и о его месте среди писателей того времени.

Рецензии на книгу «Епифанские шлюзы», за исключением первой, — ленинградского происхождения, при этом рецензент, скрывшийся за инициалами *Л. Р.*, настолько хорошо информирован о биографии Платонова, что это наводит на мысль об их личном знакомстве. Похоже, основную роль в появлении всех этих рецензий сыграло непосредственное присутствие Платонова в Ленинграде во второй половине 1927 г. (одна из малоизученных страниц биографии писателя).

Отзывы на книгу «Сокровенный человек» — московские. Относительно журнальных рецензий очевидно, что они появились в тех изданиях, где Платонова признавали как «своего» автора. Так, например, в журнале «Молодая гвардия» к этому времени уже были опубликованы «Епифанские шлюзы» и «Сокровенный человек», а с «Новым миром» связаны попытки публикации отдельных фрагментов романа «Чевенгур» (в качестве рассказов); причем летом 1928 г. Платонов будет переписываться по этому поводу как раз с автором отзыва — Николаем Замощкиным.

Выходу книги «Происхождение мастера» предшествовали критические кампании по поводу «Че-Че-О» и «Усомнившегося Макара». Поскольку обе они достаточно хорошо представлены в современных исследованиях творчества Платонова, наша публикация оставляет их вне поля своего зрения. Отметим только, что после этих событий рецензенты третьей книги Платонова вполне отчетливо представляли себе, с каким писателем они имеют дело.

Критика «Происхождения мастера» сосредоточена, как и в случае с «Епифанскими шлюзами», в ленинградских изданиях. Было ли это как-то связано с личными контактами Платонова и его попытками печататься в Ленинграде, на данный момент не известно. Возможно, так ленинградские пролетарские критики, отмолчавшиеся по поводу «Усомнившегося Макара», выразили свою солидарность с московскими коллегами. Несколько запоздавшее появление этих статей может быть объяснено задержками в выходе журнала «Звезда» (см., например, извинения по поводу задержки в № 1, с. 228). Действительно, непосредственно из статьи М. Майзеля следует, что его статья была в наборе к моменту выхода 2-го — февральского — номера журнала «Октябрь».

Как бы то ни было, одновременное выступление Михаила Майзеля и Раисы Мессер на страницах журнала «Звезда» производит серьезное впечатление. Примечательно, что первоначально статья Майзеля имела еще более категоричное название — «Опасный мастер» (см. анонс 4-го номера журнала: «Звезда», 1930, № 3, 4-я обложка). Возможно, формулировка была смягчена после знакомства критика с рассказом «Первый Иван», о котором говорится в постскрипуме статьи.

Статья Р. Мессер посвящена не только творчеству Платонова, в ней фигурируют имена Константина Вагинова, Андрея Новикова, Валентина и Ивана Катаевых и др. Всех их, по мнению критика, объединяет «попутническая» позиция, от которой отмежевались писатели старшего поколения: «...преимущественно в течение 1929 г., вырос ряд молодых писателей, творчество которых исчерпывающе повторяет круг, пройденный их предшественниками. Эти писатели снова возвращаются к позициям именно “попутническим”, к суммарным восторгам перед революцией вообще, к нейтральности, часто безыдейной, а временами и упадочничеству. <...> Мы стоим перед фактом: ряд молодых, весьма даровитых советских писателей проходит мимо сложнейшей ломки в рядах старшего поколения их. Они возвращаются к путям, параллельным пролетарской революции, не совпадающим с ней. Они являются “попутчиками” второго призыва»¹. Наша публикация воспроизводит фрагмент статьи, посвященный непосредственно Андрею Платонову, поскольку такое изъятие осуществляется без какого-либо ущерба для понимания позиции критика.

Из всех публикуемых статей только две последние имели собственное название, остальные предварялись указанием выходных данных рецензируемой книги, например: «Андрей Платонов. — “Сокровенный человек”. Повести. Изд. “Молодая гвардия”. М., 1928. Стр. 226. Ц. 1 р. 60 к.».

1

Книга открывается большим рассказом из петровской эпохи «Епифанские шлюзы»² — об инженере Бертроне Перри, выписанном из Англии Петром для постройки шлюзов на каналах между Доном и Окой. Ошибки в предварительных расчетах ведут к провалу всей постройки, о чем, впрочем, заранее знала каждая баба Епифани. На работу все жители глядели, как на царскую игру и иноземную затею, а сказать, к чему народ мучают — не осмеливались.

Петр предаёт инженера-неудачника на казнь палачу в Москве.

Другой рассказ «Иван Жох» о самозванце Петре II <sic>, выдвинутом раскольниками при царице Екатерине. С потомком самозванца встретился автор в Сибири во время похода против Колчака.

Остальные рассказы, кроме этих двух — исторических, тесно связаны с современностью. Наиболее значительный из них «Город Градов» — сатирическое описание событий, низведших уездный город Градов до степени заштатного городка, и ироническое повествование об обитателях этого городка — чиновниках правительственных учреждений. Кроме этого рассказа в книге имеются: любопытный рассказ «О потухшей лампе Ильича» (электрификация деревни) и интересные циклы: «Записи потомка» и «Из генерального сочинения».

Платонов изображает в них обывателей провинциальных глухих уголков, жителей советских городков Глуповых, приспособившихся к революции.

«Епифановские шлюзы» <sic> — неровная, местами сырая, недоработанная, написанная как будто с поспешностью, и все же интересная книга.

Можно рекомендовать ее в фундаментальные рабочие библиотеки.

(Дашков В. // Книга и профсоюзы. М., 1927. № 7–8. Июль–авг. С. 48. Рубрика — «Центральная комиссия по книгокомплектованию при РИО ВЦСПС. Новые книги, рекомендуемые для рабочих библиотек»)

2

Петру Первому вздумалось начать необычайную затею — провести Окско-Донской канал так, чтобы по нему «десятипушечные корабли ходили бы». Для постройки этого канала по составленному Трузсоном — одним из приспешников Петра — «прожектору», в числе прочих приехал молодой инженер Перри.

Началась тяжелая до дикости работа. Десятки тысяч крестьян сгонялись на непосильный человеческий труд. Однако как ни старался, вдохновленный грандиозной затеей, заморский инженер Перри, «прожектор», составленный Трузсоном, оказался неосновательным. В результате нескольких лет непрерывной работы, канал оказался негодным, мелководным, и колоссальные средства, затраченные на него, выброшены на ветер. Взбешенный Петр приказал казнить инженера.

Таков сюжет первой и наиболее значительной вещи сборника. При всей тяге наших писателей к устоявшемуся историческому материалу, произведений, хорошо, а главное — достаточно верно рисующих далекую эпоху, — очень мало.

«Епифановские шлюзы» <sic> наиболее сильная и удачная вещь сборника. Вторая значительная вещь «Город Г<ра>дов».

Как по теме, так и по ее оформлению «Город Г<ра>дов» сильно напоминает салтыковские «Историю одного города» и «Губернские очерки». Те же людишки, «власть имущие», считающие, что самое важное это не дела, не люди, а тщательно написанное отношение с исходящим номером.

И заводделом землеустройства УЗУ Шмаков очень похож на салтыковского градоначальника Бородавкина, оставившего в назидание потомству «Мысли о градоначальническом единомыслии, а также о градоначальническом единовластии и о прочем», или на Угрюма Бурчеева, лелеявшего мысль превратить город в военный плац с ровными линиями, а людей в машин, долженствующих жить по точному регламенту.

У Салтыкова-Щедрина были все основания для того, чтобы обобщить и в истории Глупова показать тогдашнюю Россию.

Однако на основании каких данных обобщает автор Шмакова в тип советского работника, а «Город Градов» — в жизнь советской провинции?

При самом тщательном анализе станет очевидным, что никаких оснований для обобщений нет. Ибо наша советская провинция это — полный лихорадочным строительством, новой жизнью город. И уже, конечно, ни в коем случае не щедринский Глухов.

Шмаковых, возведенных автором в тип, у нас очень мало.

Это исключение, редко встречающееся, и совершенно непонятно, зачем понадобилось это обобщение автору.

Из других рассказов сборника необходимо отметить рассказ «Потухшие лампы Ильича», где автор просто и хорошо рассказывает о постройке электростанции в селе Рогачевке, сожженной через год кулаками.

(Смена. Л., 1927. № 212. 17 сент. С. 3. Подпись: В. Я. Рубрика «Среди книг»)

3

Автора этой книги легко смешать с другим Платоновым, Алексеем. Оба они пролетарские писатели, оба одновременно прозаики и поэты. Андрей Платонов писатель очень малоизвестный. В 1921 году в «Кузнице» (№ 1) появился его рассказ «Маркун». В 1922 году был издан в Краснодаре сборник его стихов, «Голубая глубина». Все это теперь совершенно забыто. Тем более неожиданно появление «Елифанских шлюзов», книги ценной, интересной и талантливо написанной.

Открывающий сборник исторический рассказ из эпохи Петра I «Елифанские шлюзы», был напечатан в № 6 «Молодой Гвардии» за этот год, и о нем своевременно уже давался отзыв в вечернем выпуске «Красной газеты». Эпоха Петра I в художественной литературе так богато освещена, что показать что-нибудь новое из истории быта и нравов того времени очень трудно. Интерес рассказа заключается скорее в новом толковании этой эпохи. В противоположность старым идеалистически, порою мистически настроенным историческим романистам, автор видит в ней, прежде всего, эпоху интенсивного строительства, вызванного требованиями развившегося торгового капитала.

Центральное место в книге занимают три превосходных рассказа: «Город Градов», «Песчаная учительница» и «О потухшей лампе Ильича».

В первом изображается советский уездный город Глухов. Уездное советское чиновничество, яркий тип бюрократа — Шмаков, запуганные обыватели, жизнь города Градова, со всеми его глуховскими подробностями — все это оживает перед нами в острой, беспощадно меткой сатире. Повествование доводится до момента районирования области и упразднения уездных городов. Начинается борьба конкурирующих городов, из которых каждый стремится стать окружным центром. «Большую книгу стоит написать, излагая борьбу четырех угородов. Букв в ней было бы столько, сколько лопухов в Градовском уезде, — но можно ее и не писать, так как градовцам читать ее некогда, прочим — неинтересно» (167). Дело кончается тем, что Градов становится заштатным городом, и на месте уисполкома образуется сельсовет.

Второй рассказ показывает героическую учительницу, несущую культуру в самые глухие селения на границе среднеазиатской пустыни. Работая одновременно как учительница, агроном и агитатор, она энергично борется с пустыней, засыпающей песками селение, и повышает благосостояние крестьян. Редким качеством этого рассказа является его убедительность и отсутствие тенденциозности. Рассказ весьма удачно достигает своей цели — организует психику читателя в направлении нужной и полезной работы, заражает пафосом социалистического строительства.

Такого же типа и рассказ «О потухшей лампе Ильича», о том как крестьяне проводят электричество в глухую деревню. Если бы рассказ состоял только из первых трех глав, в которых изображаются старания артели, в конце концов увенчивающиеся блестящим торжеством, он производил бы, пожалуй, более сильное и, главное, более бодрое впечатление, но автор, вероятно, побоялся показаться тенденциозным. К первым трем главам прибавлена четвертая, в которой обозленные кулаки сжигают электростанцию.

В книге можно найти достаточно недостатков, неизбежных для всякого, а тем более, для малоопытного писателя, но эти недостатки искупаются крупными достижениями автора.

Для стиля книги характерны причудливые названия («Чульдик и Епишка», «Демьян Фомич — мастер кожаного ходового устройства»), обилие цитат из абсурдных сочинений различных уездных мудрецов, любовь к графическим украшениям (вывески в рамках, титульные листы сочинений и т. д.), архаизмы в языке.

(Вечерняя красная газета. Л., 1927. № 276. 12 окт. С. 6.

Подпись: П. Р. Рубрика «Новые книги»)

4

У Платонова свой особый голос, свои интонации, своя манера письма, и этим самым материал общего писательского потребления — гражданская война — делается его собственной неповторимой темой.

При наличии подлинного мастерства — старые, давно знакомые вещи начинают казаться впервые показанными и оформленными.

Герой «Сокровенного человека», слесарь Фома Пухов, по собственному его признанию, человек «облегченного типа», недисциплинированный мечтатель, влюбленный в героическое начало революции, острослов, «бобыль» и скептик.

Для рабочих железнодорожного депо, где Пухов временно работает, он — «смутный человек. Не враг, но какой-то ветер, дующий мимо паруса революции».

Единственно, кто понял и оценил Пухова, как отличную, добротную клепку, которую надо собрать и стянуть обручами — это «братишка» Шариков.

С Шариковым он идет на фронт. Как превосходный солдат, Шариков же помог ему стать на ноги, когда революция, миновав полосу острой фронтовой борьбы, вступила на путь восстановления разрушенного войною народного хозяйства.

Пухов, как тип, смежен фурмановскому Чапаеву, — в том и другом бездна сил, энергии и сметки, но анархически бесформенных и рассеянных.

И нужен человек мужества и революционного закала, чтобы силу эту разумно использовать.

Пухов — философ и собеседник. Пухов — в железнодорожных мастерских, Пухов — у затертого вьюгой поезда Троцкого и Пухов — в десантной операции под Перекопом, — все это такие превосходные по живописи куски, на которых хочется подолгу и по нескольку раз останавливаться.

Автор, по-видимому, усердно работает над стилем.

Правда, кое-где попадают словесные срывы. Но и сейчас уже Платонов овладел *тайной детали* — умением показать сущность вещи через наиболее характерную для нее подробность.

Отточен задорной иронией прибаутки диалог. Вся повесть дышит бодростью и энергией.

О менее значительной второй вещи книги «Ямская слобода», мы уж писали в свое время на столбцах «Вечерней Москвы»³.

(Жиц Федор // Вечерняя Москва. 1928. 10 февр. № 35. С. 3. Рубрика «Среди книг»)

5

Эта небольшая книга — одна из новинок пролетарской литературы. А. Платонов — сын слесаря воронежских железнодорожных мастерских, сам рабочий-самоучка, имеющий ряд крупных технических изобретений (гидрофикационная турбина и др.). В прошлом году он дебютировал книгой «Епифанские шлюзы».

Повесть Платонова «Сокровенный человек», открывающая новый его сборник, принадлежит к тем важным сейчас произведениям, которые заняты разработкой вопроса о живом человеке и революции.

Железнодорожный рабочий Фома Пухов, главный герой платоновской повести, — большой чудак и оригинал. Неуютная, бродячая паровозная жизнь, державшая его в прошлом в стороне от общественных волнений, сталкивает Пухова с революцией. Он еще плохо сознает, что происходит, и лишь природное чутье полурбочего-полукрестьянина подсказывает ему, что идет битва с эксплуататорами трудящихся. И Пухов честно начинает помогать в этой битве, странствуя по Руси, работая на снегоочистителе, и в порту — механиком, и на Царицынском заводе. К активному участию в строительстве его раскатать еще трудно. Проклятые вопросы жизни его озачивают, но, ограниченный в умственном развитии, Пухов постигает их туго.

У Платонова в повести есть интересные слова о красноармейцах эпохи гражданской войны: они «были неизвестны самим себе... Они жили общей полной жизнью с природой и историей, — и история бежала в те поры, как паровоз, таща за собой на подъем всемирный груз нищеты, отчаяния и смиренной косности». Это характерно и для Пухова. Путь Фомы Пухова — путь многих рядовых средних рабочих, еще не вполне пролетаризованных в условиях нашей провинциальной, полудеревенской рабочей действительности, но «через сердце», после сложных душевных переживаний и напряжения умственной силы, входящих в семью пролетарского актива. В конце Пухов вполне постигает смысл происходящих событий и определяет свое назначение в жизни.

В повести Платонова показан ряд волнующих моментов из эпохи гражданской войны на юге и на Волге, художественно ярко передан отважный рейс красноармейцев на пароходике в море, нарисованы любопытнейшие фигуры рабочих-

партийцев (Зворычный, Шариков). Написана повесть крепким (правда, не без шероховатостей) языком, полным метких народных оборотов, с удачным использованием местного краевого диалекта. Образы и сравнения Платонова органически слиты с рабочим мироощущением. У него «фонарь потух, израсходовав свой керосин»; «время шло *без тормозов*»; предметы природы у него — «ее живой и мертвый инвентарь»; люди у него бездельничают для «*угона времени*», и т. д. Кое-что на первый взгляд режет слух: «старик почухался с мешком»; «еще можно *поспать-ся*» (выспаться? поспать?); «красноармейцев *было* в трюме не удержать»...

Следует отметить у Платонова и то, что свое повествование он хорошо умеет сочетать с живым, безыскусственным, иногда от этого чуть тяжеловатым, житейским юмором.

Вторая повесть в сборнике называется «Ямская слобода»; читатель ее встречал уже на страницах журнала «Молодая гвардия». Сюжет ее — бесприютная жизнь батрака Филата, не имеющего в себе воли и силы переменить постылое бытие, — проще, персонажи зарисованы в свете большой психологической правды, язык всей вещи ровнее.

Книга «Сокровенный человек» обнаруживает несомненное и оригинальное дарование в молодом авторе.

(Сокольников М. // Молодая гвардия. М., 1928. № 3. С. 205. Раздел «Библиография»)

6

У А. Платонова следует отметить упорное стремление быть серьезным писателем. Он движется по линии наибольшего художественного сопротивления, иногда даже искусственно создавая на своем пути препятствия. Все время кажется, что писатель изнемогает в попытках показать «тайное тайных» своих, не совсем обычных героев. Кто такой «сокровенный человек» — слесарь Пухов и что в нем особенного? Обратимся для этого к щедрым авторским характеристикам.

Пухов «не враг революции, а какой-то ветер, дующий мимо паруса революции», однако он всегда «ревниво следил за революцией, стыдясь за каждую ее глупость». Перед нами анархическая смутная натура, не верящая в «организацию мысли», а стремящаяся к синтезу «природной обстановки» с революцией. Таков этот прекрасный опытный слесарь, прямой и храбрый человек, побывавший на фронтах гражданской войны и, кстати, наделавший там много благоглупостей (история с «песочным десантом» и др.). В конце повести автор водворяет его в трудовую мирную обстановку, где Пухов наконец-то обретает «нечаянное сочувствие к людям». Такой фактический конец повести не может считаться естественным психологическим концом ее, ибо в этом «сочувствии к людям» нет никакого «исхода» душевным смятениям героя, какого-либо завершения судьбы Пухова, — ведь мизантропом он никогда не был, да и не мог быть, постоянно тоскуя по человеческой «гармонии». Остается неизвестным: к чему же пришел этот «кустарь советской власти»... Повесть оборвана, не завершена веским, естественным финалом.

Но от самого замысла (а отчасти и от его разрешения) показать мятежную фигуру рядового пролетария в испепеляющие годы гражданской войны веет какой-то подлинной корневой правдой. Повесть, несмотря на свою языковую и композиционную корявость и безнадежные промахи и даже нелепости в изображении,

например, всех батальных эпизодов, — все же подкупает какой-то скрытой силой и убедительностью. А. Платонов пишет всерьез, ищет новых точек зрения на предмет, копается в самых основаниях душевной и социальной жизни. Судьба сырого человека в революции его тревожит, он вкладывает в изображение этой судьбы всю свою, несколько омраченную страстность.

В другой своей повести — «Ямская слобода» — А. Платонов пытается разрешить проблему преобладания в человеке инстинкта над сознанием, проблему робкого рождения в батраке Филате личности. Филат, в отличие от Пухова, характерен уже полным отсутствием в нем личности, самосознания. У него «голова от бездействия ослабла навсегда». Крайне скудный мир его интеллекта наполнен только чувством жизни, дыхания, бесконечной покорности всему сущему. Мудрено ли, что Филат сделался благодетелем всех мешан Ямской слободы, отдавая им буквально за кусок хлеба всю свою рабочую сноровку и весь досуг. Пробуждение от сонного существования началось у Филата после знакомства с двумя дезертирами царской войны и завершилось как будто под отдаленные громы Октябрьской революции. Октябрь вызвал в нем слабый порыв к действию, к выходу за околицу слободской жизни, потянул его в даль, в неведомое. Как очарованный, как сомнамбул, уходит батрак из слободы.

Автору можно поставить в вину неровный, местами случайный, показ нарастания в герое чувства собственного достоинства и первичных элементов личности. Казалось бы, что по ходу действия должно было произойти что-то сильное, почти катастрофическое, в судьбе Филата, — получилась же жалостливая история об одном юродивом. Значительно лучше удался автору мир ямского захолустья, чревоугодия и жирного черноземья. Несомненно, тут помогла А. Платонову русская литература, особенно богатая этими сторонами изображения.

Говоря вообще, А. Платонов способен вывести читателя из терпения, настолько иногда тяжел (языком, что хоботом, ворочает) его язык и так перегружен — не по-молодому, а по-старчески — его слог всяческими смысловыми трудностями. Тут есть, конечно, доля того, что принято называть «покушением с негодными средствами». Но главное-то заключается в другом: в отсутствии у писателя поверхностного подхода к жизни, к судьбе человеческой в революции. И даже в отношении языка: пустого оригинальничанья нет у писателя. Он просто ищет новых изобразительных оттенков, и на этом пути часто делает ошибки, падает, чтобы опять подняться. Разве плохо хотя бы вот это: «Пахло... тем запахом таинственного и тревожного пространства, какой всегда бывает на вокзалах»? Или запоминаемая картина возвращения многих людей на родину из разных «Аргентин»?.. И вдруг, наряду с этим, такие вывихи, уродливости, как, например: «...выдувая из легких спертые, застоявшиеся газы» (!); или такая «мудрость», например, при описании восприятия раннего утра, с глазу на глаз: «Тогда стыд поджигает кожу, несмотря на то, что человек сидит один и нет его судьи» (?) Есть даже географическая путаница: после Козлова указана станция Графская, а после нее станция Грязи. Питая страсть к философствованию и иронии, А. Платонов никогда не бывает бесстрастным, и не пишет «просто так». Все у него неуклюжее, дубовое, но свое, добытое своей силой. И может случиться, что при дальнейшей художественной работе его «сокровенные» думы принесут вполне зрелые плоды.

Книга Андрея Платонова объединяет группу рассказов и повестей, датированных 1926–27 гг. Тематика произведений, составивших сборник, разнообразна: наряду с темами империалистической войны и войны гражданской («Сокровенный человек», «Ямская слобода») писатель разрабатывает темы Петровской эпохи («Епифанские шлюзы»); помимо этого в сборнике есть попытки подойти к материалу современности, трактуемому в сатирическом плане («Город Градов»). Открывающая сборник повесть «Происхождение мастера»⁴ посвящена восприятию революции индивидуалистом и перерождению этого индивидуалиста в революции.

В своей книге Платонов предстает перед читателем как несомненный мастер, прекрасно владеющий словом. Язык книги скуп, точен и выразителен; по своей литературной манере Платонов идет от серапионовцев, что, впрочем, характерно и для всего творческого облика писателя в целом.

Книга Платонова ставит перед читателем чрезвычайно важный вопрос о «происхождении мастера», создавшего те произведения, которые составили сборник.

Каковы связи писателя с революционной эпохой, как он подходит к творческому воспроизведению революции и движущих ее людей?

При рассмотрении этого вопроса прежде всего должен быть выделен рассказ «Епифанские шлюзы», который как по теме (казнь Петром Великим «аглицкого» инженера Бертрана Перри за неудачный исход строительства канала между Окой и Доном), так и по обработке (тонкая стилизация языка Петровской эпохи) сделал бы честь любому западнику прошлого столетия. Варварская Россия, темная и жуткая в своей темноте, встает со страниц платоновского рассказа с большой яркостью и силой; однако «Епифанские шлюзы» никак не увязаны с современностью, а это делает рассказ классическим образцом литературной нейтральности, прекрасным примером ухода писателя от революционной эпохи.

Революцию Платонов разворачивает в «Сокровенном человеке». Гражданская война показана писателем в восприятии индивидуалиста, для которого революция представляется нагромождением либо непонятных, либо явно нелепых действий и положений. Анархическому сознанию Пухова недоступна закономерность происходящего; всю сложность революционной эпохи он воспринимает с точки зрения человека, идущего стороной. Писатель не может возвыситься над идейным уровнем своего героя; революция оказывается преломленной в сознании мелкобуржуазного индивидуалиста, являющегося не участником революционного дела, а его сторонним наблюдателем.

В «Городе Градове» Платонов пытается подойти к тематике современности. Он сатирически подает провинциальное советское учреждение — скопище чиновников гоголевского департамента, бесконечно далеких от нашего времени и сочиняющих трактаты о благотворном влиянии бюрократии на государственное устройство советской страны. Платонов не замечает того, что произведение приобретает совсем не верную направленность, ибо рассказ, перерастая рамки сатиры на отдельное учреждение, становится художественным синтезом большой силы. Такова судьба всей книги Платонова: писатель, владеющий несомненно высокой культурой, идейно далек от современности. Революцию он видит глазами мелкобуржуазного индивидуалиста Пухова, вечного бродяги и чудака.

Это говорит о том, что в книге Андрея Платонова мы имеем художника, выра-

жающего мелкобуржуазные настроения тех групп, которые не способны творчески осмыслить значение русской революции и ее великий социальный смысл.

(Левин Л. // Резец. Л., 1930. Февр. № 7. Обложка 2)

8

Нельзя пройти мимо новой книги А. Платонова по двум причинам: во-первых, она бесспорно очень талантлива, а во-вторых, ошибки Платонова имеют тенденцию к более широкому распространению в известной части нашей литературы.

На творчестве этого оригинального писателя лежит отпечаток большой, но не всегда здоровой силы. Его внимание слишком часто привлекают физические и моральные уроды, необыкновенные факты, необычайные явления.

На фоне нравственно больных людей проступают сиянные ореолом христианского смирения кроткие мужицкие подвижники — носители высшей человеческой правды.

Мир существует в сознании писателя как средоточие удивительных людей и вещей, причем к вещам у героев Платонова (и часто у самого Платонова) страстно поэтическое отношение. Самодовлеющий предмет, машина наполняет священным восторгом души его героев.

Противопоставление одушевленной и неодушевленной природы производится писателем в направлении торжества мертвой природы, в особенности, если она организована в стройную механическую целостность. Отсюда вытекает фетишизация машины, наделяемой у Платонова самостоятельным бытием, нарочито отщепленным от реального движения жизни. Отсюда разрыв между человеком и созданием рук его и, как следствие, преклонение перед мертвой материей, «готовым изделием... продолжающим жить самостоятельной жизнью» («Происхождение мастера»).

Такова основная мысль важнейшего «головного» рассказа «Происхождение мастера», про главного героя которого Платонов сообщает, что «его ничто особо не интересовало — ни люди, ни природа, — кроме всяких изделий. Поэтому к людям и полям он относился с равнодушной нежностью, не посягая на их интересы. В зимние вечера он иногда делал ненужные вещи: башни из проволоки, корабли из кусков кровельного железа, клеил бумажные дирижабли и прочее — исключительно для собственного удовольствия».

Пренебрегая природой, Захар Павлович избегал повторять ее в любимых своих изделиях. За «ручную умелость» он все готов простить человеку. Ему это тем легче сделать, что по существу он «никогда не интересовался людьми». Судьба сталкивает Захара Павловича с такими же, как он сам, рабами машинного мира. «Машинист-наставник, сомневающийся в живых людях старичок, долго всматривался в него. Он так больно и ревниво любил паровозы, что с ужасом глядел, когда они едут. Если б его воля была, он все паровозы поставил бы на вечный покой, чтоб они не увечились грубыми руками невежд. Он считал, что людей много, машин мало; люди — живые и сами за себя постоят, а машина — нежное, беззащитное, ломкое существо; чтоб на ней ездить исправно, нужно сначала жену бросить, все заботы из головы выкинуть, свой хлеб в олеонафт макать — вот тогда человека можно подпускать к машине, и то через десять лет терпения».

Платонов заставляет своих героев вести вдохновенные разговоры с вещами и механизмами, причем одушевление последних *в силу общей установки* писателя воспринимается не как довольно обычный литературный прием, а своеобразный антропоморфизм. (См. замечательный диалог между паровозом и Захаром Павловичем в «Рождении мастера».)

Все это мешает автору рассмотреть человека во взаимодействии с природой, а ведь только так возможно художнику отразить общие, а не единичные явления бытия.

Под конец жизни Захар Павлович познает всю бесплодность и безрадостность своего мертвого мира. Последний рассыпается под напором живой жизни, носителем которой оказывается рыбацкий сын Сашка — олицетворение высшей кротости и непротивления.

Силой своего смирения он опрокидывает обычные представления Захара Павловича о брэнном и слабом человеческом духе. Мастер ясно ощущает необходимость отказаться и отказывается от «заблуждений всей своей жизни».

Для общего мировоззрения Платонова отнюдь не случайно положение, при котором морально оправданной жизнеутверждающей силой является великий протест, инстинктивно и, что особенно важно, совершенно пассивно приходящий к социальному самосознанию.

Герой «Рождения мастера», Саша Дванов сродни неудачнику Филату («Ямская слобода»). Их сближает между собой одинаковое люмпен-юродствующее положение в жизни, которая обрушивается на них со всей беспощадностью. Удары судьбы они принимают безропотно и в этой молчаливой обреченной покорности есть что-то рабье, глубоко противное здоровой человеческой натуре.

Порой Платонов точно любителюется блаженной пассивностью своих героев, которая еще больше оттеняется максимальным сгущением красок при описании окружающей среды. «Свиные рыла» подстерегают на каждом шагу Дванова и Филата, а они совершенно безвольны и бессильны по отношению к своим мучителям.

Это покрывает названные произведения (особенно первое из них) налетом пессимизма. «Идиотизм деревенской жизни» выявлен Платоновым с огромной силой, отдельные сцены замечательны своей мрачной насыщенностью (горбун Кондаев и старуха Игнатъевна в «Рождении мастера», семья Спиридона Матвеевича в «Ямской слободе»). Не лишен элементов скептицизма и второй из упомянутых рассказов — «Ямская слобода».

Социальный состав рабочего класса в нашей стране всегда отличался большой пестротой. Это особенно дало себя чувствовать в первые годы Октября, когда на огромные массы трудящихся, увлеченных борьбой за социалистическое отечество чувством инстинктивного классового самосохранения*, приходился незначительный авангард передовых бойцов, отчетливо осознававших конечные политические цели пролетарской революции. Эти головные пролетарские отряды не только шли в первых рядах атакующих боевых цепей, но осуществляли под руководством большевистской партии колоссальную задачу по политическому перевоспитанию остальной отсталой рабоче-крестьянской массы. Для представителей последней на

* См. у Ленина: «Рабочий класс инстинктивно, стихийно социал-демократичен...» («О реорганизации партии», т. 7, ч. 1, стр. 11, изд. 1925 г.).

том историческом этапе было весьма характерно многообразие социальных, политических и бытовых причин, толкнувших их на борьбу с белыми.

Среди многомиллионной армии трудящихся, защищавших с оружием в руках завоевание Октября, было немало и люмпенских элементов, которым в буквальном смысле слова нечего было терять, а кое-какие материальные приобретения представлялись вполне реальными.

Устами главных героев «Ямской слободы» говорят именно эти отсталые элементы.

Внутренняя природа художественного замысла Платонова может быть раскрыта следующим образом: в вечной борьбе «добра и зла» в конечном счете торжествует «добро». В наши дни проповедь нравственного самоусовершенствования, которой практически оборачивается вся творческая концепция Платонова, объективно реакционна.

Платонов мастерски изображает фигуры людей с искаженными чертами лица, но оказывается слабее в обрисовке «рядовой» личности.

Вводя в рассказ «повседневного» героя-революционера («Сокровенный человек»), он отстраняет его до полуанекдотического персонажа.

И в этом единственном по-серьезному созвучном современности произведении Платонова «машинный фетишизм» снова проступает в знакомых очертаниях. Ему сильнее всего привержен главный герой рассказа — Фома Егорыч Пухов, личность историческая, если верить подстрочному примечанию автора. Пухов выразительно характеризуется как «кустарь советской власти», как не «враг, но какой-то ветер, дующий мимо паруса революции» и пр. С такой оценкой вполне совпадают мечты Пухова об автомате, который освободил бы его от работы, так как ему «трудящимся быть надоело». Самые героические поступки Пухов совершает сомнамбулически, толкаемый своеобразной авантюристической любознательностью. Мир, раскрывающийся перед ним, раздражает его пытливость и в своей неорганизованности проигрывает при сравнении с высшей гармонией механики.

В этом мире стихийного беспорядка человек — не более как жалкая песчинка.

«Люди шумели, рельсы стонали под ударами насильно вращаемых колес, пустота круглого мира колебалась в смрадном кошмаре, облекая поезд верещащим воздухом, а Пухов внизывался в ветер вместе со всеми, влекомый и беспомощный, как косное тело».

Под знаком этой беспомощности и моральной обреченности описываются Платоновым отдельные события (впрочем, первостепенной важности) гражданской войны.

Не случайно, например, бесстрашие красноармейцев получает у Платонова следующее истолкование.

«Они еще не знали ценности жизни, и поэтому им была неизвестна трусость — жалость потерять свое тело. Из детства они вышли в войну, не пережив ни любви, ни наслаждения мыслью, ни созерцания того невероятного мира, где они находились. Они были неизвестны самим себе. Поэтому красноармейцы не имели в душе цепей, которые приковывали бы их внимание к своей личности. Поэтому они жили полной общей жизнью с природой и историей — и история бежала в те годы, как паровоз, таща за собой на подъем всемирный груз нищеты отчаяния и смиренной косности».

Здесь обращает на себя внимание подмена сознательной, волевой целеустремленности отсутствием у красноармейцев чувства жизни. Им нечего терять и только потому они героически дерутся с врагом. А защита непосредственных классовых интересов, которые бросили на борьбу с помещиками многомиллионную крестьянскую массу? А революционное, классово-осознанное руководство пролетарского авангарда, приведшее к разгрому белого движения? А героический энтузиазм всей массы трудящихся, воодушевленных идеей социалистического переустройства мира и во имя этой идеи жертвовавших своей жизнью?!

История в те годы тащила не только «всемирный груз нищеты, отчаяния и смиренной косности», но — и это был «генеральный груз!» — и пламенную веру миллионов пролетариев в грядущую гибель мира «смиренной косности»!

Так, даже в «мелочах» изображать гражданскую войну значит не понять ее основных движущих сил, не увидеть настоящего «героя» тех лет. В свете этой «ошибки» проясняется роль самого Пухова, как «лишнего человека», воспринимающего события революционной действительности исключительно по их касательным, периферийным линиям.

Ленин, полемизируя с Лариным, писал в статье «Кризис меньшевизма» следующее:

«Совершенно несомненно и неоспоримо, что рабочий класс всех стран — по мере того, как развивается капитализм, по мере того, как накапливается опыт буржуазной революции или буржуазных революций а также неудачных социалистических, — растет, развивается, учится, воспитывается, организуется. Другими словами: он идет в направлении от стихийности к планомерности, — от руководства одним настроением к руководству объективным положением всех классов, от порывов к выдержанной борьбе»*.

Пухов типичен для той прослойки рабочего класса, которая еще находится на пути от стихийности к планомерности, для которой характерен порыв вместо выдержанной борьбы и которая решительно не способна к руководству объективным положением всех классов.

В соответствии с этим отношение Пухова к революции определяется своеобразным боевым и одновременно созерцательным фатализмом. Революция привлекает его главным образом, как некий социальный аперитив, возбуждающий вкус к жизни. Эпоха преломляется в рассказе или как «героическая случайность», или как... цепь трагикурьезных событий.

В Новороссийске Пухов пошел на комиссию, которая якобы проверяла знания специалистов.

«Его спросили из чего делается пар.

— Какой пар? — схитрил Пухов. — Простой или перегретый?

— Вообще... пар! — сказал экзаменующий начальник.

— Из воды и огня! — отрубил Пухов.

— Так! — подтвердил экзаменатор. — Что такое комета?

— Бродящая звезда! — объяснил Пухов.

— Верно! А скажите, когда и зачем было 18-е брюмера? — перешел на политграммоту экзаменатор.

— По календарю Брюса, 18-го октября — за неделю до великой Октябрьской

* Ленин. Собрание сочинений, т. 8, стр. 39, изд. 1925 г.

революции, освободившей пролетариат всего мира и все разукрашенные народы! — не растерялся Пухов, читавший что попало, когда жена была жива.

— Приблизительно верно! — сказал председатель проверочной комиссии. — Ну, а что вы знаете про судоходство?

— Судоходство бывает тяжельше воды и легче воды! — твердо ответил Пухов.

— Какие вы знаете двигатели?

— Компаунд, Отто-Дейц, мельницы, пошвенные колеса и всякое вечное движение!

— Что такое лошадиная сила?

— Лошадь, которая действует вместо машины!

— А почему она действует вместо машины?

— Потому, что у нас страна с отсталой техникой — корягой пашут, ногтем жнут!

— Что такое религия? — не унимался экзаменатор.

— Предрассудок Карла Маркса и народный самогон!

— Для чего была нужна религия буржуазии?

— Для того, чтобы народ не скорбел!

— Любите ли вы, товарищ Пухов, пролетариат в целом и согласны за него жизнь положить?

— Люблю, товарищ комиссар, — ответил Пухов, чтоб выдержать экзамен, — и кровь лить согласен, только чтобы не зря и не дуриком!»

На фоне революции «дуриком» вовсе не вызывает удивления калека-мешочник, везущий из Аргентины в Иваново-Вознесенск пять пудов пшеницы и сохраняющий в мешке ногу, которую ему отрезали... в багдадской больнице, и еще некоторые другие такие же гротесковые персонажи.

Обильная цитация, которая сопровождает эту часть нашей заметки, имеет целью дать некоторое представление об особенностях стиля А. Платонова. Они сводятся в основном к диалогической форме, насыщенной и выразительной в парадоксальности отдельных звеньев, к лапидарным, новеллистического типа, характеристикам и описаниям.

«В кустарнике лощины лежали рабочие — живые и мертвые. Живых было меньше, но они стреляли на ту сторону реки сдельно — за себя и за мертвых». Или: «Раненый дополз до него и поднял грузную мокрую голову, с которой капал крупный пот. Кваков приник к нему.

— Забей мне гвоздь в ухо поскорей... — сказал раненый и свалился от напряжения.

Кваков потер ему ухо и лег близко рядом, как бы защищая его от мучения и от новых ран».

Несколько пантеистических отражений явлений природы, с нарочитым усложнением взаимоотношений человека и материальной среды.

Реалистическое повествование у Платонова часто соскальзывает на пародийно-сатирическое, переходящее в гротеск описание. Элементы сатиры входят обязательной составной частью почти в каждое его произведение. (Примером цельного сатирического произведения является «Город Градов». Отдельные гротесковые детали мы в изобилии находим в «Сокровенном человеке», «Ямской слободе», а из рассказов, не вошедших в рецензируемый сборник, — «Усумнившемся Макаре» <sic> и «Государственном жителе».)

Платонов владеет богатейшим словарным запасом, отлично передает говор рабочей массы, по-настоящему знает машину и умеет найти для описания ее «тайн» совершенно новые интонации. Он обладает чувством иронии и формально его пародийно-сатирическая манера находится на большой высоте. При всем этом он умен, темпераментен и ядовит. Последние его качества с особой силой проступают в «Городе Градове».

Социальный смысл рассказа сводится к решительному протесту писателя против государственности.

Организация общества иронически мыслится Платоновым в виде предельно (до бессмысленности!) регламентированной системы. На этом построены сатирические и полусатирические произведения писателя, в которых высмеивание государства приближается к щедринской высоте. Но механически примененный метод «потрясения основ» великого сатирика, обращенный против советского государства, приводит к враждебному эффекту. Направляя огонь на отдельные участки современной действительности, Платонов ополчается против *всей* советской государственности.

Не дифференцируя объекта своей сатиры, писатель, может быть сам того не понимая, возбуждает ярость масс не против отдельных извратителей определенной идеи, но против самой идеи, идеи государства, в наших условиях пролетарского государства. Так, взяв под обстрел определенный сектор нашей действительности (провинциальную чиновничью среду), Платонов до последней степени сгустил краски как в отношении непосредственной щедринско-гоголевской генеалогии героев, так и в смысле распространительного толкования темы.

Основной порок сатиры Платонова заключается в том, что он не умеет стать над своими героями, предвидеть и оценить «со стороны» конечные выводы, «мораль» рассказа.

Как же можно объяснить подобного рода настроения в среде революционных писателей, к тому же писателей, подчас тяготеющих к пролетарской литературе?

Реконструктивный период, означающий наряду с остальным усиление пролетарской диктатуры, применение суровых мер по борьбе с враждебными классовыми силами, вызывает в известной части порой «субъективно» прогрессивных социальных групп настроения испуга перед железной волей революции.

Государство как сила, ставящая себя над обществом, в руках пролетариата служит орудием подавления враждебных рабочей диктатуре классов.

Это вполне закономерное явление, которое будет иметь место до тех пор, пока пролетариат не завершит борьбу с остатками капитализма внутри страны и с капиталистическими государствами за рубежом.

Признание директивности велений государственной власти претит природе мелкого буржуа, который, «обороняясь», противопоставляет свое личное «я» интересам большинства.

Среди различных видов мелкобуржуазных шатаний, недовольств, отходов от столбовой дороги пролетарской революции замаскированный анархо-индивидуализм — излюбленная форма.

Именно к ней прибегает А. Платонов, и это ему не удастся скрыть, несмотря на все его большое мастерство.

И несмотря на все отмеченные идеологические провалы Платонова, мы решаемся думать, что это рабочий писатель. Но это рабочий, в котором окурковский

одиночка-правдоискатель не преодолен классовым пролетарским сознанием. Он как рабочий презирует «идиотизм деревенской жизни» и собственническую жадность (незабываемый образ мальчугана Прошки в «Происхождении мастера»), любит машину и труд. Как окуронец-правдоискатель он не спаян с коллективом, любовно конструирует собственную замороженную философию, любит праздное мудрствование, индивидуалистичен и склонен к анархизму. На том же корню в основном взошли Никифоров и Ляшко. Но в Никифорове цеховой мастеровой и окуронецкий правдоискатель преодолены классовым сознанием. В Платонове они не преодолены и объективно грозят антипролетарским вырождением. Выпрямление творческой линии Платонова может произойти или путем полного изжития черт окуронца или путем развития черт цехового мастерового до степени нового качества — классового сознания пролетариата.

Дальнейшее успешное развитие творчества писателя представляется нам единственно возможным через решительный пересмотр всей его идейной стистемы.

P.S. Уже после того, как настоящая статья была набрана, во втором номере «Октября» появилось новое произведение Платонова «Первый Иван» — «Заметки о техническом творчестве трудящихся людей». Это — полурассказ очеркового характера, трактующий излюбленную тему писателя: рабочее мастерство. Но на этот раз Платонов строит рассказ на фактическом материале наших дней, присоединяя к своему постоянному восхищению техникой мужественное уважение к человеческому разуму, покорившему с помощью техники стихийные силы природы. Мы не станем поспешно провозглашать положительное творческое перерождение писателя. Как ни хорошо написан «Первый Иван», но это *очерк*, и как таковой он не может дать достаточно веских и полноценных оснований для серьезных заключений об изменении *всей творческой личности* писателя.

Однако «Первый Иван» бесспорный симптом «выздоровления». Это, как хочется нам думать, начало отхода от той дороги, на которой направляющей вехой до сих пор являлся «Усомнившийся Макар».

Правда, герой очерка Первоиванов «еще не сделал из стихийной природы искусственного советского творения», правда, он все еще слишком часто склонен рассуждать о странностях стихийной природы «мировой косности, привычной до неощутимости и примирения с ней». «Мировая косность», игравшая в ранних рассказах Платонова активную роль, оттеняя неустроенность человеческой жизни, на этот раз призвана подчеркнуть всепобеждающую силу человеческого разума и «ручной умелости». Важно также и то, что последние направлены на разрешение конкретных задач огромной социальной важности. (Ср. с совершенно бессмысленной с общественной точки зрения, ранней любовью Захара Павловича к производству бесполезных вещей.)

Первоиванов соединяет в себе техническую изобретательность и упорство самородка — с пафосом коллективизма и твердой верой в необходимость коренной переделки существующего в природе порядка вещей. Он борется за повышение плодородности почвы, мобилизуя для этого собственные знания, опыт, заражая окружающих разрядами своей насыщенной насквозь волевой и целеустремленной энергии. Деятельность Первоиванова рационалистична, организована, она пронизана чисто пролетарским напором и вся направлена на преодоление стихийных сил земли.

— Вот, когда у нас вода не будет течь, а будет всасываться в землю, у нас получится действительно большевистская почва. А сейчас у нас есть овраги, пески, обнаженные глины. Это еще не наша, а царская территория.

Мы верим Первоиванову, когда он говорит, что «природе от науки некуда деваться», мы верим ему потому, что уж в очень надежные руки, большевистские руки, попала наука.

Мы понимаем скорбь Первоиванова «от расточения имущества природы бесхозяйственным человечеством». Но одновременно с неопровержимой силой дает себя чувствовать в очерке новая система жизни, при которой «бесхозяйственное человечество» превратится в «большевистских людей» и будет ограждено от стихийных порывов неорганизованной материи.

Колхоз «Ньютон», отлично описанный Платоновым, является первым звеном в той цепи, которая замкнувшись будет знаменовать осуществление великого плана индустриализации сельского хозяйства в нашей стране.

И в том, что Платонов сумел показать на конкретном примере «практику» повседневной борьбы за осуществление этого плана, — его бесспорная заслуга.

(*Майзель М.* Ошибки мастера // Звезда. Л., 1930. № 4. С. 195–202)

9

<...> Наибольшего внимания в плане данного рассмотрения заслуживает ряд молодых писателей, выдвинувшихся в течение 1929 г. Это писатели, которых ни в коей мере нельзя упрекнуть в поверхностности, беспринципности или скрытой враждебности. Это писатели, вскормленные революцией и убежденные, что говорят от ее имени. Кроме того, эти писатели вошли в литературу сразу же со своей собственной физиономией: творчество их — вполне зрелое мастерство.

Тем не менее и этот ряд молодых прозаиков не способен представлять собою перелом, приближение какой-то части советского писательства к пролетариату. Это какая-то другая его часть.

Какая же именно?

Совсем недавно вышла в свет книга повестей Андрея Платонова «Происхождение мастера». Уже при самом поверхностном знакомстве с ней бросается в глаза необычайная выразительность писательских средств Платонова. Скупое, точно и строго взвешенное им все положения, состояния и движения героев. Крайнюю степень оживленности приобретают у него обычно статические элементы: пейзажи, жизнь природы, жизнь мертвых вещей. Вещи и природа не описываются, а действуют, живут, двигаются: «мужики замучили граммофон и он больше не играл», музыкальный механизм «вырабатывает нежность», «одичалые хаты стояли, полные бездетной тишины», «лопухи ожидали хозяев у ворот», «хлеб на полях давно умер», «воробьи выговаривали свои хозяйские деловые песни», «лапоть нашел свою судьбу». Такой своеобразный анимизм бьет своей силой и приобретает особый смысл, если приглядеться к изображению Платоновым людей и — к выбору их. А люди, герои у него такие: 1) русский крестьянин, ушибленный хитрым, мудреным устройством мира, отдавший свою жизнь разгадыванию его тайн и чудес. Революция поражает его так же, как и паровоз, как «точное дело». Он теряется перед ней, как

прежде перед машиной. Он, в конце концов, ушиблен революцией, он — ее восхищенный и подавленный наблюдатель («Происхождение мастера»). 2) Пухов — фронтовик, но, по природе своей — искатель приключений, враль, забияка. Он идет на поводу у революции за ее «красоту», но не знает своего места в ней. Он — стихийник, растерянная душа, он живет вслепую («Сокровенный человек»). 3) Деревенский батрак, забитый не столько социальным гнетом, сколько «невыразимым сердечным тяготением, которое увлекает людей в темноту судьбы».

Природа у Платонова — мудрая и спокойная. Люди — растерянные, мятущиеся, пассивные. Люди у него пытаются понять мир, но не изменить его. Людей давит стихия, судьба. Они не могут изменять мир. Эта подспудная творчески-философская концепция Платонова и обуславливает выбор им в качестве героев — «мелких человек революции». Мелкий человек, неповторимая, «сокровенная» личность и ее судьба двигают все повести. «Нигде человеку конца не найдешь и масштабной карты души его составить нельзя. В каждом человеке есть обольщение собственной жизнью и поэтому каждый день для него — сотворение мира. Этим люди и держатся».

Таков катехизис писателя Платонова, писателя, который тащит сознание назад, к статике, к утверждению самодовлеющей ценности мелкого человека, возводимого в символ, в программу. Торжество стихии над человеком и самая концепция «мелкого человека» есть прямой поворот назад к Леониду Леонову, к Всеволоду Иванову, к торжеству мелкобуржуазного сознания, которое не видит социальных сдвигов пролетарской революции, не видит классовой борьбы. Оно видит лишь торжествующую природу и растерянного «мелкого человека». Творческий метод Платонова реакционен, потому что реакционна его классовая идеология, идеология той части мелкобуржуазной интеллигенции, которая стоит перед пролетарской революцией и не видит ее подлинного смысла.

В наши дни нередко положение, когда писатель и критик не понимают друг друга. Чаще всего это происходит, когда критик в порядке кавалерийского наскока обвиняет писателя в нейтральности, не дифференцируя это понятие, не уточняя его. Писатель оскорбляется, утверждает, что описывал факты, что такова действительность и вообще, что-де за нелепая манера усматривать в герое автора? Судите, мол, не автора, «объективно» описывающего действительность, а «произведение как таковое».

Суть вопроса в том, что дело не в изолированно понимаемой личности автора, а в угле зрения, под которым данная действительность изображена. Нейтральных тем не существует в природе. Нейтральную, на первый взгляд, тему можно осветить «партийным» светом и, наоборот, тему большой общественной остроты можно «обезвредить». Нейтральность писателя это — не ограниченно понимаемое отношение его к конкретно-политическим вопросам, а вся система его социальной психики, все его мировоззрение, идущее мимо понимания сдвигов пролетарской революции. Эти писатели изображают революцию, часто ее интереснейшие участки, с видимым сочувствием. Но творческий метод их, идущий от мировоззрения, чуждого пролетарской революции, от культа стихийности, неизменности и неповторимости человеческой природы, — *есть метод нейтральный, а в условиях реконструктивного периода — реакционный.* <...>

¹ Звезда. Л., 1930. № 4. С. 204.

² К этому времени повесть «Епифанские шлюзы» (журнальная публикация) уже была отмечена в ленинградской «Вечерней красной газете» в общем обзоре 6-го номера журнала «Молодая гвардия»: «Следует отметить также рассказ А. Платонова “Епифанские шлюзы”, переносающий нас в далекие петровские времена. Рассказ А. Платонова дает прекрасный материал для понимания петровской эпохи. Повесть о постройке Епифанских шлюзов, которые должны были создать сплошной судоходный путь между Доном и Окою и соединить Придонской край с Москвой и волжскими провинциями, имеет большую социальную ценность. Писателю удалось показать петровскую эпоху и самого Петра по-настоящему, без прикрас. Ему удалось передать жуткую картину подневольного труда, провала всего Епифанского дела, которое стоило жизни десяткам тысяч рабов и личной трагедии руководителя Епифанских работ, английского инженера Бертрона Перри. Особую прелесть рассказу придает умелое, без пересола, использование автором тогдашнего языка» (Вечерняя красная газета. Л., 1927. № 188. 15 июля. С. 5. Подпись: М. Г. Рубрика «Новые книги»).

Кроме того, выход книги был предвращен следующим анонсом в журнале «Смена»: «“Епифанские шлюзы” (Судьба английского инженера в России в эпоху Петра I). “Город Градов” (Сатира на провинциальных бюрократов и обывательщину в наше время). “Песчаная учительница” (Героическая работа советской учительницы в Средней Азии). “Иван Жох” (Раскольники XVIII века и их потомки (в эпоху гражданской войны)) и др.» (Смена. М., 1927. Июль. № 13–14. С. 26).

³ На журнальную публикацию «Ямской слободы» в № 11 журнала «Молодая гвардия» обратили внимание рецензенты двух — ленинградской и московской — газет: «Неплохо написана повесть Андрея Платонова “Ямская слобода”. Живо подана общая картина социального перерождения слободы, заселенной степными “ямщиками” — мелкими землевладельцами, жившими со времен Екатерины до самого Октября на доходы с крестьянской аренды. Общий фон повести удался, но отдельные персонажи у Платонова не вышли. Чуть-чуть лучше “блажной” Филатка; зато Игнат Порфирыч, претендующий на центральное место в повести, так до конца и остается фигурой геометрической, художественно неразрешенной. Есть у Платонова склонность к “сильно действующим” средствам. Автор, например, вводит в повесть совершенно эпизодическое лицо — иконописца — только для того, видимо, чтоб сообщить, что он (иконописец) “готовую доску — для божественного изображения — он не сразу пускал под кисть, а сначала троекратно прикладывал к животу своей жены и троекратно же произносил нараспев:

Пропахни жизнью,
Пропахни дровом,
Пропахни девой...”

Или в другом месте для того, чтобы дать почувствовать читателю поздний ночной час, автор заставляет Филатку мыслить слишком образно... “Сейчас совсем тихо; на улице нельзя услышать, как падают на пол мужья от ворочающихся разопревших жен”...

Без подобных эффектов можно было обойтись. Да и видно по повести, воспринимаемой в общем, как произведение писательское, а не любительское, что Платонов без этих эффектов обойтись в состоянии» (*Нивич Д.* // Вечерняя красная газета. Л., 1928. 3 янв. С. 5. Рубрика «Новые книги»);

«Данные талантливого бытописателя обнаруживает также и автор “Ямской слободы” *Андрей Платонов*» (Вечерняя Москва. 1928. 20 янв. № 17. С. 3. Рубрика «Среди книг»).

⁴ Публикация «Происхождения мастера» в «Красной нови» также была отмечена рецензентами, см. упоминания: «...небольшой, но свежий рассказ Андрея Платонова “Происхождение мастера”. Лирически, в стиле горьковских очерков “По Руси”, повествует Платонов о влюбленности в механизмы и машины чудака-мастера, “который все может починить и оборудовать, но сам прожил жизнь необорудованно”» (*Казанский М.* // Вечерняя красная газета. Л., 1928. 18 мая. № 135. С. 4. Рубрика «Новые журналы»); «“Происхождение мастера” А. Платонова говорит о росте этого молодого писателя» (*Лежнев А.* // Литературные заметки: О «толстых» журналах. Правда. 1928. 10 июня. № 133. С. 7).

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках проекта «Научное собрание сочинений А. П. Платонова», № 05-04-04344а

Содержание

От редактора. <i>Наталья Корниенко</i>	3
--	---

I. КОНТЕКСТЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПОНИМАНИЯ

<i>Дмитрий Замятин</i> . КРУГЛАЯ ВЕЧНОСТЬ. Образная геоморфология романа «Чевенгур»	7
<i>Анджела Ливингстон</i> . ВРЕМЯ В «ЧЕВЕНГУРЕ»	20
<i>Светлана Семенова</i> . РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЙ КОНТЕКСТ И ПОДТЕКСТ «ЧЕВЕНГУРА»	34
<i>Алла Кулагина</i> . ЛЕГЕНДЫ О БЕЛОВОДЬЕ И «ЧЕВЕНГУР»	45
<i>Ханс Гюнтер</i> . ЛЮБОВЬ СЕКТАНТСКИХ БРАТЬЕВ И СЕСТЕР (К проблеме телесности в романе «Чевенгур»)	54
<i>Всеволод Багно</i> . «ЗАБЛУДЯЩИЕ КАВАЛЕРЫ» в романе Платонова	65
<i>Александр Дырдин</i> . О «МЕДЛЕННОЙ ПОЛЬЗЕ». Славянофильские акценты «Чевенгура»	73
<i>Владимир Звиняцковский</i> . КУКОЛЬНЫЙ ДУРДОМ (Инфантилизм и «безотцовщина» как проблемы культурного сознания второй половины XIX–XX столетий в «Чевенгуре»)	81
<i>Оксана Филенко</i> . СТЕПЬ И САД (Принципы организации художественного пространства и времени в творчестве А. Чехова и А. Платонова)	90
<i>Елена Колесникова</i> . К ВОПРОСУ О ТРАДИЦИЯХ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА В «ЧЕВЕНГУРЕ»	98
<i>Наталья Бочарова</i> . СТРОИТЕЛЬНАЯ ТЕМА В «ЧЕВЕНГУРЕ» И ПОЭЗИИ ПРОЛЕТКУЛЬТА	104
<i>Александр Казаркин</i> . ЧЕВЕНГУРСКИЕ АПОКАЛИПТИКИ (К параллели: А. Платонов и Н. Клюев)	110
<i>Ирина Матвеева</i> . «ЧЕВЕНГУР» И «ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА» М. ШОЛОХОВА: Опыт сопоставления	116
<i>Александр Лысов</i> . ИДЕАЛЫ ЦЕЛОСТНОСТИ ЖИЗНИ У А. ПЛАТОНОВА И А. ТВАРДОВСКОГО («Чевенгур», «Страна Муравия»)	121
<i>Вера Серафимова</i> . «ЧЕВЕНГУР» И ПОВЕСТИ Л. БОРОДИНА	131
<i>Елена Проскурина</i> . ГРИМАСЫ СМЕРТИ У ПЛАТОНОВА («Чевенгур», «Котлован», «Ювенильное море»)	137
<i>Константин Баршт</i> . ДВА ПРОСТРАНСТВА И ДВА ВРЕМЕНИ АЛЕКСАНДРА ДВАНОВА	143
<i>Лай Инчуань</i> . ИДЕЯ СТРАННИЧЕСТВА В РОМАНЕ «ЧЕВЕНГУР» В СВЕТЕ ЭПОХИ КУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ	150
<i>Тамара Никонова</i> . ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ПРИРОДА И КОММУНИЗМ В РОМАНЕ «ЧЕВЕНГУР»	155
<i>Наталья Полтавцева</i> . ЧЕВЕНГУР: ИДЕОЛОГИЯ ИЛИ УТОПИЯ?	161
<i>Иван Есаулов</i> . ЗВЕЗДА И КРЕСТ В РОМАНЕ «ЧЕВЕНГУР»	172
<i>Роберт Чандлер</i> . СИРОТСТВО: САША ДВАНОВ И НАЗАР ЧАГАТАЕВ	178
<i>Анастасия Пискунова</i> . САМОРАЗВИВАЮЩИЙСЯ ЯЗЫК ПЛАТОНОВА	183
<i>Вячеслав Лютый</i> . О ЯЗЫКЕ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА	187

<i>Владимир Варва.</i> ПРАВСТВЕННЫЕ ИСКАНИЯ ПЛАТОНОВА В РОМАНЕ «ЧЕВЕНГУР»	190
<i>Владимир Шаров.</i> ИСКУШЕНИЕ РЕВОЛЮЦИЕЙ	199
<i>Владимир Меденица.</i> ДУША, ЖИВУЩАЯ ВО ВРЕМЯ ТОСКИ	204
<i>Леонид Карасев.</i> ПЛАТОНОВ И БУДУЩЕЕ	216
<i>Василий Голованов.</i> К РАЗВАЛИНАМ ЧЕВЕНГУРА	220
<i>Владимир Фетисов.</i> ГЕРОИ «ЧЕВЕНГУРА» В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ РОССИИ	242
<i>Анатолий Генатулин.</i> ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПЛАТОНОВУ	244
<i>Ирина Ордынская.</i> «ЧЕВЕНГУР» АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА КАК СИМВОЛ ЛЮБВИ К СВОЕМУ НАРОДУ	248
<i>Наталья Коньшина.</i> Я РИСУЮ «ЧЕВЕНГУР»	253
<i>Светлана Бахтина.</i> В ПОИСКАХ «СОКРОВЕННОГО ЧЕЛОВЕКА»	273

II. КОММЕНТАРИИ И АНАЛИЗ ТЕКСТА

<i>Олег Алейников.</i> О «НАВСЕГДА ПОТЕРЯННОМ ВРЕМЕНИ» (1918–1919 годы в сознании героев и автора романа «Чевенгур»	285
<i>Ирина Спиридонова.</i> ЭПИТЕТ 'ВЕТХИЙ' В РОМАНЕ «ЧЕВЕНГУР»	303
<i>Нина Малыгина.</i> ОБРАЗЫ-СИМВОЛЫ И КЛЮЧЕВЫЕ ФРАГМЕНТЫ ТВОРЧЕСТВА ПЛАТОНОВА В РОМАНЕ «ЧЕВЕНГУР»	319
<i>Людмила Некрасова.</i> ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ПЛАТОНОВА: Запахи воспоминаний	328
<i>Сусуму Нонака.</i> ПОВТОР СРАВНЕНИЙ В «ЧЕВЕНГУРЕ» (К постановке вопроса)	335
<i>Светлана Красовская.</i> «ЧЕВЕНГУР» АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА: НА «КРАЮ» ЭПОСА	345
<i>Марина Любушкина.</i> БИБЛИЯ В РОМАНЕ «ЧЕВЕНГУР»	354
<i>Наталья Брагина.</i> РОМАН «ЧЕВЕНГУР», ПРОЧИТАННЫЙ ГЛАЗАМИ МУЗЫКАНТА	361
<i>Александр Ванюков.</i> ПОЭТИКА ЗАГЛАВИЯ И СТРУКТУРА РОМАНА	369
<i>Юрий Пастушенко.</i> ЧЕВЕНГУР: ЗАГАДКА ЗАМЫСЛА	379
<i>Геннадий Ковалев.</i> «ЧЕВЕНГУР» — К СПОРАМ О СМЫСЛЕ НАЗВАНИЯ	386
<i>Михаил Михеев.</i> РЕДАКТИРОВАНИЕ СВОЕГО СОБСТВЕННОГО ТЕКСТА: СТИЛЬ + и СТИЛЬ – (лето 1921, осень 1929 в «Ревзаповеднике» Платонова)	392
<i>Светлана Корниенко.</i> «ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ЛЮДИ» РОМАНА «ЧЕВЕНГУР»	405
<i>Бен Доог.</i> МЫСЛИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И КАРТИНЫ МИРА АВТОРА (Опыт текстимманентного подхода к «неправильному» языку Андрея Платонова)	410
<i>Хисако Кубо.</i> ПОИСК ПУТЕЙ ПРЕОДОЛЕНИЯ МИФА: Анекдотичность и сказочность в романе «Чевенгур»	418
<i>Юн Юн Сун.</i> ПРОБЛЕМА «ДВОЙНИЧЕСТВА» В РОМАНЕ ПЛАТОНОВА	423
<i>Лидия Шёквист.</i> К ВОПРОСУ ОБ АНТРОПОМОРФНОСТИ НАРРАТОРА В РОМАНЕ «ЧЕВЕНГУР»	432
<i>Нина Хрящева.</i> «ТОНОК СОН»: К ПОЭТИКЕ СНОВ В «ЧЕВЕНГУРЕ»	442
<i>Лариса Червякова.</i> ПОЭТИКА СНА В РОМАНЕ «ЧЕВЕНГУР»	450
<i>Наталья Умрюхина.</i> «ИСКУССТВЕННОЕ СОЛНЦЕ» У А. ПЛАТОНОВА И М. КОЗЫРЕВА-И. КРЕМЛЕВА (Документ и художественный текст)	455
<i>Наталья Дужина.</i> СТРОИТЕЛИ «ОБЩЕПРОЛЕТАРСКОГО ДОМА» В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ 1929–1930 гг.	461

III. ХРОНИКА И АРХИВ

СТАТЬИ А. ПЛАТОНОВА В ЗАДОНСКОЙ ГАЗЕТЕ

«СВОБОДНЫЙ ПАХАРЬ». Подготовка текста и вступительная статья <i>Олега Алейникова</i>	473
<i>Наталья Корниенко</i> . ЧЕВЕНГУРСКИЕ МЕЧТАНИЯ О НОВОМ ЧЕЛОВЕКЕ В СТАТЬЯХ ПЛАТОНОВА 1920-х гг. («Питомник нового человека» — «Человек, который будет...»)	483
<i>Любовь Суматохина</i> . ПЛАТОНОВ В РАБОТЕ НАД КИНОСЦЕНАРИЕМ «ПЕСЧАНАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА»	519
КНИГИ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА В КРИТИКЕ 1927–1930 гг. Публикация <i>Елены Антоновой</i>	527
<i>Елена Рожнецова</i> . ПЕЧЕНЕГИ В «ЧЕВЕНГУРЕ»	547
РЕЦЕНЗИЯ НА ПОВЕСТЬ ПЛАТОНОВА «СТЕПНОЕ ДЕЛО». Публикация <i>Елены Рожнецовой</i>	562
<i>Валерий Вьюгин</i> . КАК ПИСАЛ ПЛАТОНОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУКОПИСИ «ЧЕВЕНГУРА»)	564
НОВОХОПЕРСК (РЕКОНСТРУКЦИЯ ФРАГМЕНТА). Подготовка текста и вступительная статья <i>Валерия Вьюгина</i>	603
<i>Наталья Корниенко</i> . МЕЖДУ МОСКВОЙ И ЛЕНИНГРАДОМ: О датировке и авантексте романа «Чевенгур»	624
Именной указатель	679

Научное издание

«СТРАНА ФИЛОСОФОВ» АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА: ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА

ВЫПУСК 6

Ответственный редактор
Корниенко Наталья Васильевна

Оригинал-макет изготовлен в ИМЛИ им. А. М. Горького РАН
Технический редактор Лавочкина А. В.
Корректор Сценснович Е. Н.

ИД № 01286 от 22 марта 2000 г.
Подписано в печать 26.09.2005. Формат 70x100^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура Tense.
Печать офсетная. Физ. печ. л. 43,0. Тираж 1000 экз.
Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, «Наследие»
121069, Москва, ул. Поварская, д. 25-а
тел. (095) 290-23-01, 291-19-23
Отпечатано с готовых диапозитивов в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6. Заказ № 1906